

ЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕЗУМПЦИЙ СИСТЕМНОСТИ ПРАВА*

Е. Н. ЛИСАНИЮК**

В статье с формально-логической точки зрения рассматривается положение о системности права, в соответствии с которым право мыслится как непротиворечивая (бесколлизонная) и полная (беспробельная) система норм. Предлагается считать это положение статической презумпцией системности права и разъясняется, почему право не обладает характеристической системности в абсолютном смысле, т. е. не является ни системой, ни системой норм. Обоснование этого положения составляет критическую часть исследования. В содержательной его части в противовес отвергаемой статической презумпции выдвигается идея динамической презумпции системности права, или представление о системности права в относительном смысле, применительно к мысленным (идеальным) или реальным ситуациям, которые с точки зрения логического анализа некоторого кодекса норм выступают моделями его применения. В статье отстаивается идея о том, что хотя совокупность норм действующего правопорядка есть случайный набор норм и не является системой в логическом смысле, однако сами нормы, принадлежащие данному правопорядку, случайными не являются. Вместе с тем относительно определенных случаев такая совокупность норм может быть логически упорядочена и представлена в форме логической системы. В ходе такого упорядочивания или систематизации права динамическая презумпция его системности играет роль методологического принципа. При этом свойства непротиворечивости и полноты системы, выступающие в составе статической презумпции ее необходимыми свойствами, в динамической версии обеспечивают возможность получения решений на ее

Лисанюк Елена Николаевна,
кандидат философских наук,
доцент кафедры логики
Философского факультета
Санкт-Петербургского
государственного университета

* Исследование поддержано РГНФ, проект № 12-03-00196.

Эта статья «выросла» из доклада: *Лисанюк Е. Н.* Системность права и логические аспекты правового регулирования // Актуальные проблемы философии государства и права: Сб. ст. / отв. ред. Б. Х. Балкаргов. Н. Новгород, 2012. С. 3–11. Автор признательна М. В. Антонову за обсуждение статьи и ценные замечания.

** Lisanyuk Elena Nikolaevna — candidate of philosophical sciences, associate professor of the Department of Logic of the Faculty of Philosophy, St. Petersburg State University.

E-mail: elenalisanyuk@gmail.com

© Лисанюк Е. Н., 2014

основе. В статье показано, что в роли таких решений выступают логические следствия из нормативной системы, формируемой относительно рассматриваемого случая, служащего моделью для упорядочивания данной совокупности норм и выведения следствий из полученной системы. В динамической версии презумпции системности права свойства непротиворечивости и полноты служат методологической основой эффективного правоприменения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нормативная система, системность права, полнота системы, непротиворечивость, модель, методологические презумпции.

LISANYUK E. N. LOGICAL ASPECTS OF SYSTEMIC PRESUMPTIONS OF LAW

The paper considers from a formal-logical point of view the idea of a systematic character of law, according to which law is seen as a consistent and complete system of norms. The author proposes to consider this idea to be a static systematic presumption and explains why law does not possess a systematic character in the absolute sense, that is law is neither a system, nor a system of norms. The rationale for this position forms a critical part of the study. In its substantial part the idea of dynamic systematic presumption is suggested, as opposed to the rejected static systematic presumption. According to the former, law is seen as a collection of norms and may be transformed into a normative system, but in a relative sense, in relation to mental (ideal) or real situations. From the point of view of the logical analysis, these situations are models for making valid conclusions in the system and for its practical application. In the paper the author advocates the idea that, although the set of norms of a given legal order is a random set and is not a system in the logical sense, the norms themselves which belong to this legal order are not random. However, in relation to particular situations, this set of norms may be logically ordered and presented in the form of a logical system. In the process of this ordering or systematization of law the dynamic systematic presumption functions as a methodological principle. The properties of the consistency and completeness of the system, being the necessary properties of the static systematic presumption, in the dynamic version of the presumption ensure the possibility to make decisions on its basis. The author demonstrates that these decisions are represented by logical implications of a normative system formed in relation to a given situation which is a model for ordering this set of norms and making conclusions from the resulted system. In the dynamic version of the systemic presumption the properties of consistency and completeness serve as a methodological basis for effective application of law.

KEYWORDS: normative system, systemic presumption of law, system`s consistency, completeness, model, methodological presumptions.

«С одной логикой нельзя через натуру перескочить!
Логика предугадает три случая, а их миллион!»

Ф. Достоевский. «Преступление и наказание»

Целостное непротиворечивое единство норм и правил их применения, принципов и источников, системное единство, предусматривающее эффективный и достаточный методологический и эвристический потенциал для принятия решений и для устранения пробелов и несогласованностей, если таковые будут выявлены, — к такому образу права стремится в своих изысканиях правовед и философ права. Приблизительно таким право предстает и в стандартной деонтической логике, свидетельствует ее основатель, финский философ и логик Г. фон Вригт: «...deskриптивное

понимание классической деонтической логики живописует беспроблемную непротиворечивую систему норм».¹ Похожим, как кажется, образом видит право и современный петербургский правовед А. В. Поляков: «Право как должный порядок есть замкнутая и логически непротиворечивая система правовых норм...».² При схожести образов между ними есть существенное различие. Г. фон Вригт говорит о том, что деонтическая логика *описывает* право как систему норм и устанавливает свойства полноты и непротиворечивости данной системы относительно некоторого класса моделей или случаев определенного сорта. А. В. Поляков указывает, что эти свойства присущи праву, взятому как система норм, но с точки зрения наиболее предпочтительного положения дел, когда все нормы выполняются, т. е. *нормативному* порядку. То есть речь идет о свойствах полноты и непротиворечивости кодекса норм во вторичном смысле и о том, что имеется такая идеальная ситуация, где все требования права реализованы, и эти свойства присущи логическому описанию такой ситуации, которая считается исчерпывающим описанием.

Положение о системном характере права, тесно связанное с представлением о его целостной природе, зиждется на понятии системы, которое часто мыслится в логическом ракурсе. «Право всегда есть прежде всего совокупность, а точнее, система норм. Это не случайный набор случайных норм, а строго выверенная упорядоченная система вполне определенных правил поведения», — считает М. Н. Марченко.³ Чаше явным образом настаивают на том, что праву присущ признак системности, сторонники нормативистского подхода к праву,⁴ однако в более мягкой форме эта идея свойственна и правоведам, работающим в русле других подходов.⁵ В рамках этой статьи мы рассмотрим положение о том, почему право не обладает характеристикой системности в абсолютном смысле, т. е. не является ни системой, ни системой норм. В обосновании этого положения заключается критическая часть исследования. Содержательная его часть — в том, чтобы аргументировать идею системности права, но в относительном смысле, т. е. применительно к реальным ситуациям, которые, как мы покажем, с точки зрения логического анализа некоторого кодекса норм выступают моделями его применения. Критикуемое и отвергаемое здесь положение о системности права в абсолютном смысле будем называть статической презумпцией системности права, а отстаиваемое в противовес ему относительное положение — динамической презумпцией системности права. В критической части планируется рассмотреть два вопроса: правомерно ли считать право системой в логическом смысле и что означают свойства непротиворечивости и полноты применительно к праву. Тем самым будет показано, что хотя право, взятое в ракурсе норм, и есть случайный набор норм, а не система, однако сами нормы в его составе случайными не являются, так как они связаны с определенными представлениями о должном порядке. Кроме этого, применительно к некоторым случаям нормы могут быть упорядочены таким образом, чтобы составить нормативную систему, обладающую свойством непротиворечивости, необходимым для

¹ Wright G. H., von. Deontic Logic: a Personal View. (1999) Ratio Juris, 12:26–38. P. 30.

² Поляков А. В. Общая теория права. СПб., 2004. С. 271.

³ Марченко М. Н. Теория государства и права. М., 2006. С. 333.

⁴ Алексеев С. С. Общая теория права: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 102–103.

⁵ См., например, Теория государства и права / под ред. А. С. Пиголкина. М., 2003. С. 75; Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Учебник. М., 2004. С. 136–137.

логической системы, и, возможно, также и свойством полноты, которое выступает, как будет показано, желательным, но не необходимым свойством систем. Мы ограничимся рассмотрением вопросов системности права в узком, или формально-логическом, прочтении понятия «система», потому что наиболее распространенное мнение о системности права как раз состоит в том, что «право всегда является нормативной системой, а не просто неупорядоченной коллекцией норм... по меньшей мере в слабом смысле некоторых логических отношений связанности между нормами».⁶

Идеализированный образ права, соответствующий представлению о его системном характере, часто подвергают критике с разных сторон. Так, правоведы справедливо указывают на то, что принятие решений в праве неравнозначно выведению логических следствий из совокупности норм.⁷ Такие утверждения неявным образом свидетельствуют против статической презумпции системности права и говорят о том, что логическое упорядочивание совокупности норм, релевантных некоторому случаю, преобразующее эти нормы в нормативную систему, — это желательный, но не всегда реализуемый путь в правоприменении, а также о том, что не все нормативные системы обладают свойством полноты. Логики считают, что такой идеализированный образ права неизбежно влечет ошибку дедуктивизма,⁸ философы также смотрят на него скептически.⁹

Живучесть этого образа связана с широтой использования системного подхода в различных областях знания и весомыми результатами, полученными в русле этого подхода отечественными и зарубежными учеными. Современные теоретики системного подхода считают, что «система S на объекте A относительно интегративного свойства (качества) есть совокупность таких элементов, находящихся в таких отношениях, которые порождают данное интегративное свойство», а также что «система есть форма представления предмета научного познания».¹⁰ Методологическая ценность системного подхода к исследованию сложных объектов заключается в том, что установление разнообразных связей, например, причинно-следственных или логических, внутри таких объектов осуществляется не вообще, но относительно различных свойств и проблемных ситуаций.¹¹ Стало быть, если считать право системой вообще безотносительно каких-либо его свойств или ракурсов рассмотрения, т. е. в духе статической презумпции системности права, то право и предмет правоведения совпадают, что, несомненно, верно, но мало что сообщает о праве и правоведении.

Утверждение о том, что право есть целостная, полная и непротиворечивая система норм или правил, указывает на гносеологическую трактовку системного подхода применительно к праву. Такая трактовка

⁶ Ван Хук М. Право как коммуникация / пер. с англ. М. В. Антонова, А. В. Полякова. СПб., 2012. С. 33.

⁷ Атиенза М. Евгений Булыгин и теория юридической аргументации // Правоведение. 2008. № 3. С. 186.

⁸ Лисанюк Е. Н. Что дозволено Юпитеру с точки зрения логики? // Вестник Мурманского государственного технического университета. Т. 5. № 3. С. 70.

⁹ См. полемику С. Хаак и Е. Булыгина, связанную с этим вопросом: *Bulygin E. What Can One Expect from Logic in the Law? (Not Everything, but More than Something: A Reply to Susan Haack)* // *Ratio Juris*. Vol. 21. № 1. March, 2008. P. 150–156.

¹⁰ Агошкова Е. Б., Ахлибинский Б. В. Эволюция понятия системы // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 170–179.

¹¹ О'Коннор Дж., Макдермотт И. Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем / пер. с англ. М., 2011. С. 31.

рассматривает явления вне их социальных и онтологических аспектов. Здесь и кроется путаница методологического характера. Понимать под системностью права необходимую присущность ему упомянутых логических свойств, указывая на рациональный характер создания нормативных кодексов и процедур их применения, — чересчур легкий способ обосновывать рациональный и объективный характер права вообще. Этот способ опасно граничит с подмеченной И. Кантом ошибкой извращенного разума (*perversa ratio*), видящего в своих умозаключениях закономерности бытия.¹²

Статическая презумпция системности права означает, что право вообще мыслится как система норм и что быть системой норм свойственно праву в трех социальных ракурсах его существования: порождения нормативных кодексов законодателем, существования и изменения нормативных кодексов в качестве законодательства, применения законов — нормативных кодексов для регулирования социальной жизни общества. Логика как теория формальных систем изучает нормативные кодексы, их изменение и применение на практике, т. е. право во втором и третьем социальных ракурсах, и делает это посредством разных логических теорий, в каждой из которых логические свойства норм и иных важных для такого исследования понятий представлены по-разному. Так, деонтическая логика как раздел модальной логики изучает собственно нормативные кодексы как собрания норм, взятые относительно некоей модели — идеального положения дел или должного порядка. Деонтическая логика фокусируется на структуре нормативных кодексов, рассматривая их как формальные системы, а также на формальных отношениях между нормами. Она является ответвлением логики норм, исследующей отношения между нормативными системами и формальные связи между правоотношениями.¹³ Логика действий рассматривает поступки и поведение людей, понимаемые как результат рациональных решений и взятые в отношении к фактическим ситуациям.¹⁴ Если снабдить формальный язык логики действий выразительными возможностями для описания норм, то в этом же ключе формальных связей между действиями и фактами она способна исследовать правоприменение, лояльное поведение и правонарушение как разновидности деятельности людей в условиях нормативных систем.¹⁵ Аргументация, будучи комплексной дисциплиной, вобравшей в себя элементы логики, прагматики, риторики, предлагает ответ на вопрос, каким образом происходит обоснование в условиях существования норм. Аргументация изучает этот процесс как часть логической процедуры принятия юридических решений,¹⁶ т. е. как часть правоприменения, а также в плане разумного обоснования людьми линии поведения не только в правовом, но и в более широком социальном контексте. Тот факт, что для изучения различных аспектов права,

¹² Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 411–412.

¹³ Антонов М. В., Лисанюк Е. Н. Деонтическая логика и теория нормативных систем // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / пер. с англ., нем., исп.; под ред. Е. Н. Лисанюк. СПб., 2013. С. 25.

¹⁴ Блинов А. Л., Петров В. В. Элементы логики действий. М., 1991.

¹⁵ См.: Лисанюк Е. Preference, Priority and Defeasibility in the Logic of Norms // Восьмые Смирновские чтения по логике: Мат-лы междунар. науч. конф. Москва, 19–21 июня 2013 г. / отв. ред. В. И. Маркин. М., 2013. С. 157–158.

¹⁶ Лисанюк Е. Н. Обоснование в праве с точки зрения логики // Миссия интеллектуала в современном обществе: Сб. ст. / под ред. Ю. Н. Солонина и др. СПб., 2008. С. 486–500.

таких, как структура нормативных кодексов и особенности их применения на практике, требуются разные логические средства, признают в равной мере и правоведы, и философы.¹⁷

Процесс создания нормативного кодекса законодателем логика не изучает в силу того, что остается неясным, что считать предметом такой логической теории, т. е. между какими аспектами процесса порождения нормативных кодексов надлежит устанавливать формальные отношения.¹⁸ Во многом эта неясность связана с многообразием источников идеи нормативности, лежащей в основании процесса порождения норм. Утверждать, что право носит системный характер, присущий ему изначально, означает считать, что нормативное и есть рациональное, т. е. понимать право в духе конструктивизма. Однако конструктивизм — не единственный подход к пониманию источников нормативности. Помимо конструктивизма, отождествляющего рациональность норм и ценностей с их нормативным характером, можно интерпретировать появление норм в духе волюнтаризма, т. е. как выражение воли суверена, а также в реалистском ключе. Согласно онто-реалистским взглядам, нормы и ценности считаются фактами бытия, а социал-реалисты полагают, что достаточным условием возникновения норм и ценностей в обществе является их добровольное принятие и одобрение.¹⁹ Таким образом, тот факт, что право рационально по происхождению, поскольку является результатом целенаправленной деятельности людей по созданию нормативных кодексов, еще не означает, что их создание происходит в соответствии с канонами логики, потому что логическая корректность — необходимый, но не единственный источник идеи нормативности.

Нормативность и рациональность связаны между собой, эта связь такова, что нормативное непременно рационально, но обратное не всегда верно. Кроме этого, идея кодекса норм как некоторого их набора носит относительный характер. Так, возникновение в римском праве самой идеи кодекса норм права не только является продуктом интеллектуальной деятельности людей, но и напрямую связано с представлением о добродетельном гражданине (*vir bonus*).²⁰ В античной картине мира относительность кодекса норм функциональна и соответствует аристотелевскому представлению о естественном порядке, в котором официальное лицо надлежащим образом исполняет свои обязанности и тем самым обеспечивает структурное единство системы.²¹ Ньютоновская механистическая картина мира в некотором смысле объективирует эту функциональную относительность, заменяя ее представлением о кодексе норм как системе, работающей на основе некоего алгоритма. В этом случае функциональная относительность

¹⁷ Антонов М. В. Эксклюзивный позитивизм и аргументативная теория права: к полемике между Е. В. Бульгиным и М. Атиензой // Правоведение. 2010. № 1. С. 226–237.

¹⁸ Лисанюк Е. Н. Предмет логики и логическая теория предмета // Вестник СПбГУ. 2012. Сер. 6, вып. 1. С. 108–112.

¹⁹ Шевченко А. А. Идея нормативности в философии и праве // Антропология права: філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи): Статті учасників Міжнародного «круглого столу» (м. Львів, 3-5 грудня 2010 року). Львів, 2010. С. 666–674.

²⁰ Шевцов С. П. Римское право в свете истории ментальности // ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция. Т. 4. Вып. 1. 2010. С. 9–31.

²¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / пер. с англ.; общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича, Ю. В. Сачкова. М., 1986. С. 268.

оказывается частным случаем относительности алгоритмической, которую можно трактовать и как логический алгоритм.

Вместе с тем связь нормативного и рационального вряд ли является столь однозначной, чтобы можно было указать для нее единственный «маршрут» или способ. Как минимум, эту связь можно понимать трояко, в сильном, умеренном и слабом смысле. В сильном смысле эта связь такова, что если имеется рациональное требование агенту N выполнить действие F, то агент N обязан выполнить действие F; в умеренном смысле — что рациональность этого требования есть некоторое основание для агента N выполнить F; в слабом смысле — что рациональность того же требования свидетельствует о том, что существует некое требование агенту N выполнить действие F.²² Статическая презумпция системности права как выражение отождествления рациональности и нормативности основана на сильном понимании связи между ними относительно некоторого агента как в функциональной модели. Сильное понимание лежит и в основании вригтовской деонтической логики как логической теории детерминистского толка.²³ Но понимание этой связи в среднем и слабом смысле не отрицает ни наличия некоторой связи между ними, ни того, что эта связь может быть представлена как формальное отношение²⁴ и, следовательно, демонстрирует плюрализм подходов. Таким образом, не только системность относительна, но и сама относительность — плюралистична. Это обстоятельство — еще один довод против статической презумпции с ее абсолютизацией системного характера и в пользу динамической презумпции, которая считает системность права его относительной характеристикой.

Вернемся к логическим свойствам системы, свидетельствующим о системности права, по мнению сторонников идеи статической презумпции, и покажем, что все эти свойства: непротиворечивость, полнота, независимость²⁵ — являются относительными, а не абсолютными. Ключевым моментом идеи динамической презумпции выступает теоретико-модельный аспект понятия «нормативная система» в противовес ее дедуктивному аспекту, указывающему на наличие в ней правила вывода и задающего формально отношение логического следования. Обычно в роли правила вывода в логических системах выступает модус поненс, или правило отделения:

$$(MP) \quad \frac{A \rightarrow B, A}{B}$$

Это правило обеспечивает отношение формальной выводимости и широко используется в разных логических системах, в том числе и в модальных, к которым относятся деонтические. Для того чтобы в логической системе определить отношение следования, нужно уточнить логические значения элементов системы — высказываний и указать, какое из значений, которым могут обладать высказывания в данной системе, требуется

²² Broome J. Is Rationality Normative? // *Disputatio*. Vol. 2. №. 23. November. 2007. P. 161–178.

²³ Zarnič B. A Logical Typology of Normative Systems // *Journal of Applied Ethics and Philosophy*. 2012. Issue 2. P. 30–40.

²⁴ В индетерминистских логических теориях поведение агента характеризуется наличием выбора даже в условиях обязывающей нормы. См.: Harty J. *Agency and Deontic Logic*. Oxford UP, 2001. P. 23.

²⁵ Независимость (неизбыточность) аксиом системы означает, что для любой из них верно, что она не выводима из другой аксиомы.

сохранить при переходе от посылок к следствию. В логических системах такое «предпочтительное» значение высказывания — это «истина», и оно задается при помощи формальной модели — соответствующего описания некоторой предметной области средствами логики, так что истинным считается высказывание, описывающее фактическую ситуацию на данной модели.

Таким образом, формальная система — это упорядоченное непустое множество высказываний, состоящее из четырех частей:

(1) простые (атомарные) и составные (молекулярные) элементы системы — высказывания;

(2) способы порождения составных высказываний из простых;

(3) способы получения новых элементов системы из уже имеющихся;

(4) абстрактная модель положения дел (ситуации).

Такая четырехчастная формальная конструкция выполняет одну из главных функций системы: корректным образом порождает новые элементы системы благодаря разделам (3) и (4), и представляет собой двухкомпонентную синтактико-семантическую конструкцию. Разделы (1)–(2) логической системы — это ее формальный язык, (3) — правила вывода (доказательства), обеспечивающие формальное выведение одних высказываний из других, а (4) — это ее семантическая модель, т. е. специальная реконструкция области применения данной системы, необходимая для того, чтобы высказываниям — ее элементам, заданным до этого чисто конструктивно, сопоставить некие значения, например, «истина» (1) или «ложь» (2). Роль раздела (4) заключается в том, чтобы служить коррелятом правильности переходов, устанавливаемых правилами из раздела (3), обеспечивая сохранение выделенного значения («истина») при переходе от посылок рассуждения к его заключению.²⁶ Любая формальная система содержит хотя бы одно правило вывода, для того чтобы можно было из одного и более предложений, истинность которых уже установлена, корректным образом — по такому правилу (правилам) — получить другое, т. е. построить вывод (доказательство теоремы). Высказывания, логические значения которых уже установлены, называются предложениями или теоремами формальной системы.

Для того чтобы совокупность предложений составляла формальную систему в чисто конструктивном смысле, семантическая модель может лишь подразумеваться и не быть явным образом сформулированной. Однако такой путь приемлем исключительно для формализованных исчислений, не нуждающихся в содержательной интерпретации, но утверждение о системности *права* есть непременно также и утверждение о наличии некоторой модели его интерпретации. Иными словами, если к праву и применима характеристика системности, то не в абсолютном смысле, а лишь в относительном, т. е. относительно некоторого класса моделей, и это так по трем причинам: теоретико-правовой, философской и логической.

Логическая причина уже упоминалась выше. Напомним, она заключается в том, что нормативная система, будучи разновидностью модальной, требует конструирования специального семантического формализма, относительно которого элементам системы можно сопоставить какие-либо значения, необходимые для определения отношения логического следования как формального отношения между выражениями, содержащими нормы.

²⁶ См.: Лисанюк Е. Н. Деонтическая логика // Логика. Учебник / под ред. А. И. Мигунова, И. Б. Микиртумова, Б. И. Федорова М., 2010. С. 378.

Теоретико-правовая причина состоит в том, что в нормах права и иных выражениях, входящих в кодексы норм, речь идет об описаниях родовых положений дел, которые в дальнейшем конкретизируются в связи с реальными случаями. Конкретные случаи, рассмотренные с точки зрения своих свойств, соотношенных с описаниями свойств родовых случаев, выступают моделями для выведения следствий из нормативной системы, представляющих решения для этих случаев.²⁷ Идеальный случай, когда все нормы данного кодекса выполняются, служит моделью для установления логических свойств системы — полноты и непротиворечивости. Из этих двух соображений о конкретных случаях и идеальном случае следует, что нормативная система может быть полной и непротиворечивой вообще, т. е. относительно идеального случая, однако оказаться неполной или противоречивой относительно конкретного случая, т. е. оказаться *случайно* неполной или *случайно* противоречивой. Например, система неполна и содержит пробел, если для свойств данного случая в ней не нашлось соответствующего родового описания. Система противоречива, когда для данного случая она влечет как решение p , так и решение $\neg p$. Так или иначе и установление логических свойств нормативной системы, и выведение следствий из нее относительны.

Философская причина того, что нормативные системы относительны, заключается в следующем. Всякий кодекс норм предполагает нормативную оценку регулируемых им положений дел как требуемых, дозволяемых или воспрещаемых, а оценивание фактических положений дел, соответственно, как предпочитаемых, допустимых и недопустимых и есть создание некоей содержательной модели, которую при определенных условиях можно использовать как модель для формально-логической теории.

Таким образом, представление о праве как о некоей системе норм всегда относительно и с необходимостью предполагает содержательные модели, выполняющие три функции. Во-первых, в формальном смысле модель позволяет относительно нее сопоставить элементам данной системы какие-либо значения, необходимые для определения отношения логического следования в этой системе. Во-вторых, в содержательном смысле семантическая модель — это искомое идеальное положение дел, которого законодатель желает достичь в обществе посредством введения данного кодекса норм. В-третьих, в практическом смысле модели — это реконструкции конкретных случаев, требующих вынесения вердикта. Поэтому статическая презумпция системности права не отражает ни динамики порождения или изменения нормативных систем, ни особенностей их применения. Вместе с тем ясно, что взятое вообще, как собрание норм, право не обладает свойством системности до тех пор, пока оно не упорядочено, т. е. пока относительно некоторой модели данного кодекса не сформулирована нормативная система. Причем для каждого нового случая применения норм действующего кодекса требуется создание новой модели, в том числе путем достраивания имеющейся, относительно которой будет заново упорядочена нормативная система таким образом, чтобы можно было на ее основе получить следствия в качестве решений для данного случая. В этом и состоит динамическая презумпция системности права.

Ключевая задача, для решения которой нужны формальные системы, заключается в определении процедуры получения следствий таким образом, чтобы всякое следствие было истинным и необходимым

²⁷ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. С. 51.

предложением. Иными словами, формальная система задает отношение логического следования в том смысле, что невозможно из истинных предложений получить ложное предложение (корректность), равно как невозможно из одних и тех же истинных предложений получить более одного истинного следствия (необходимость). Процедура получения логических следствий в формальной системе применяется не только для получения следствий (теорем), но и для проверки того, следует ли данное предложение из других предложений, или нет. Если формальная система непротиворечива, то тот факт, что некоторое предложение следует из других предложений этой системы, также означает, что оно истинно. Применительно к праву свойство непротиворечивости представляется гарантией иммунитета права против правовых коллизий. Противоречивость формальной системы разрушительна с точки зрения ее использования, потому что позволяет средствами такой системы обосновать фактически любое предложение, поэтому она непригодна для применения.

Если формальная система обладает свойством полноты, то истинность предложения свидетельствует о том, что оно является следствием, т. е. доказуемо в данной системе. На основе свойства полноты формальной системы обычно формулируют требование беспоробельности права. Поскольку нормативные кодексы создаются для регулирования конкретных ситуаций, то свойством полноты такие системы могут обладать лишь относительно некоторой модели. Как уже говорилось ранее, тот факт, что нормативная система, сформулированная на основе некоего кодекса норм относительно некоторой идеальной модели (для родовых случаев), обладает свойством полноты, еще не означает, что она полна также и относительно всякой конкретной модели. Поэтому в ракурсе получения корректных следствий из нормативной системы свойство полноты является желательным, но не необходимым.

Другой довод в пользу того, что свойство полноты *формальной системы* лишь желательное, состоит в том, что оно существенно ограничивает ее содержательные возможности. Полная система содержит в себе все свои следствия — как истинные доказуемые в ней предложения, потому что если для формальных систем такое свойство является само собой разумеющимся, то для *систем норм*, понимаемых прескриптивно, оно как минимум спорно. Ведь издавая норму, законодатель не обязательно имеет в виду также издать в качестве норм все ее логические следствия.

Важным отличием динамической презумпции (системности) права от статической презумпции является то обстоятельство, что требования к формальной системе, составляющие статическую презумпцию, в динамической выступают не как заданные свойства нормативной системы, но только в роли методологического идеала при принятии решений на основе нормативных систем. Другими словами, вместо того чтобы отождествлять нормативную систему, обладающую этими свойствами, как логическую реконструкцию некоего кодекса норм, с самим этим кодексом, как это происходит в случае статической презумпции, в динамической презумпции для каждого нового случая применения кодекса, выступающего теперь в роли модели, формируется новая нормативная система, где за указанными требованиями остается роль методологических принципов. Таким образом, право предстает не как изначально логически упорядоченная система, но как развивающаяся во времени совокупность нормативных систем. Причем развитие идет путем изменения самих кодексов, осуществляемого законодателем, и путем правоприменения, в ходе которого всякий раз для конкретного случая происходит упорядочивание действующего кодекса (кодексов) норм.

Презумпции системности права играют важную роль, когда речь идет о функционировании правопорядка. Возможность получения корректных решений в нормативной системе обеспечивается при помощи процедуры выведения логических следствий с учетом особенностей принятия решения в праве. В логическом аспекте это означает, что отношения логического следования можно установить лишь между нормативными предложениями, т. е. предложениями, выражающими нормы. Между нормами отношения устанавливает законодатель, хотя эти отношения и можно описать логическими средствами — при помощи формальных (нормативных) систем.²⁸ Отсюда следует важный вывод о том, что хотя определение формальной процедуры получения нормативного решения является центральной задачей нормативной системы как разновидности системы формальной, за рамками логического знания, например, в праве, само по себе получение следствий (решений) нормативного характера не имеет и является описательным.

Динамическая презумпция системности права исходит из того, что нормативный характер процедуры получения логических следствий из формальной системы является нормативным только в логическом смысле, т. е. в смысле необходимости и истинности следствий. Как только логическое следствие наделяется статусом решения на основании юридических процессуальных норм, логическая нормативность становится методологической, или описательной, и выполняет вспомогательную функцию по отношению к юридическому решению, носящему прескриптивный характер. Состоятельность процедуры получения логических следствий, могущих при наличии соответствующих условий выступать юридическими решениями, обеспечивается формальными свойствами системы, тогда как правовая состоятельность решения, порождаемого на основе логического следствия, создается уполномоченным органом (лицом), выступающим компетентным элементом действующего правопорядка.

Эвристическая ценность динамической презумпции системности права состоит в следующем. В случае обнаружения неэффективности в работе системы, выражающейся в правовой коллизии, несогласованности, пробеле и т. п., такая презумпция позволяет ее устранить на основе указанных требований непротиворечивости, полноты и некоторых других логических свойств системы, играющих роль методологических идеалов развития и совершенствования действующего правопорядка.²⁹ Вследствие этого правовая реальность социума предстает не как система, но как становящееся множество множеств нормативных систем, называемое правопорядком общества.³⁰ В логическом смысле правопорядок есть иерархия нормативных систем, целостное устройство которой носит содержательный характер и основывается на исторических, социально-политических и иных особенностях конкретного правопорядка.

Системность права как правопорядка является его дескриптивной и относительной логической характеристикой, потому что указывает на формальные отношения и абстрактные структурные связи внутри

²⁸ См.: Лисанюк Е. Н. Что дозволено Юпитеру с точки зрения логики? С. 75.

²⁹ Многие так называемые принципы права, не принадлежащие собственно правопорядку, играют такую же методологическую роль. В частности, принцип «разрешено все, что не запрещено». См.: Альчуррон К., Булыгин Е. Нормативные системы / пер. с англ. М. В. Антонова; под ред. Е. Булыгина, Е. Лисанюк // *Российский ежегодник теории права*. № 3 (2010). СПб., 2011. С. 307–472.

³⁰ См.: Булыгин Е. В. Право и время // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. С. 285–298.

правопорядка. Анализ правопорядка на предмет системности сводится к выяснению вопроса о том, каковы суть логические свойства составляющих его нормативных систем.

Множество нормативных систем, составляющих конкретный правопорядок, обладает сложной структурой, в которой можно условно выделить горизонтальные и вертикальные связи. Развитие правопорядка во времени есть вертикальное его упорядочивание, или его вертикальная иерархия. Правопорядок, взятый в конкретный момент времени, может быть представлен как нормативная формальная система, но это не означает, что действующий правопорядок и такое «систематизированное» представление о нем можно отождествить. Становление правопорядка по мере его усложнения и разветвления есть его горизонтальное упорядочивание, или сетевая иерархия. В смысле критерия системности, или в качестве логически упорядоченного множества нормативных систем, вертикальная и сетевая иерархия совпадают. Иными словами, с логической точки зрения правопорядок есть множество множеств нормативных систем; в аспекте социальной реальности он есть совокупность различных систем, подсистем и институтов, упорядоченная политически, исторически и территориально.

Установление отношений между родовыми и индивидуальными нормами есть сфера законотворчества и компетентного правоприменения и, следовательно, находится за пределами логического анализа. В силу этого, несмотря на то что вполне возможно создать непротиворечивый нормативный кодекс, исключить появление правовой коллизии или конфликта между нормами нельзя, так как, строго говоря, такой конфликт и такая коллизия есть не противоречие между нормами как таковыми, но противоречие между их «нелогическими следствиями».

Семантический компонент нормативной системы, или абстрактная модель ситуации, выступает в роли описания совокупностей индивидуальных случаев, для каждого из которых в нормативной системе были бы предусмотрены решения, обладай система свойством полноты, т. е. будь она беспробельной. В логическом ракурсе необходимость порождения юридических решений состоит не в выведении или формальном доказательстве логических следствий — с этими задачами право, будь оно системно в смысле статичной презумпции, т. е. если бы оно было формальной нормативной системой, справилось и без процессуальных норм и норм компетенции. Необходимость нахождения решений является преимущественно операцией конструирования семантических моделей для вновь получаемых логических следствий. Это конструирование есть достраивание имеющейся модели, с учетом вновь возникающих ситуаций, обнаружения действий, требующих правовой оценки, и пр.

Таким образом, статическая презумпция системности права существенно ограничивает эвристический потенциал объяснения целостности права и обоснования процессов получения юридических решений. В отличие от нее динамическая презумпция системности права отказывается от того, чтобы признать совокупность требований, составляющих статическую презумпцию системности права, неотъемлемой характеристикой права как системы, отказываясь также и от того, чтобы вообще считать право системой в логическом смысле. Суть динамической презумпции системности права состоит в том, что ключевым коррелятом системности выступает наличие процедуры получения логических следствий из некоторого нормативного множества, являющегося частью действующего правопорядка, а требования непротиворечивости и полноты играют роль методологических принципов, направляющих его совершенствование.